

ОТЗЫВ

члена диссертационного совета на диссертацию Петровой Дарьи Сергеевны на тему: «Последствия отпадения цели договора в российском праве и английский институт frustration of purpose: сравнительный анализ», представленную на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.03. – Гражданское право, предпринимательское право, семейное право, международное частное право

Представленная диссертация посвящена проблеме, актуальность которой обостряется на фоне современных чрезвычайных условий функционирования экономики.

Уровень работы соответствует требованиям, обычно предъявляемым для кандидатских диссертаций.

Автор использует достаточный массив источников и богатый сравнительно-правовой материал.

Уровень самостоятельности аналитики высокий. Работа отнюдь не представляет собой банальный пересказ ранее высказанных зарубежными авторами концепций и позитивного права и судебной практики зарубежных стран. Автор подвергает позитивный материал аналитической обработке, делает выводы и их аргументирует.

Автор пишет ясно, мысль излагается последовательно.

Большинство высказанных автором мыслей и идей заслуживает либо поддержки, либо серьезного осмысления и дальнейшей проработки в ходе научных дебатов.

Впрочем, есть некоторые вопросы, которые требуют обсуждения.

Во-первых, структура работы представляется не вполне совершенной. Тема работы посвящена сравнению института тщетности цели договора в английском праве и применения ст.451 ГК РФ для расторжения/изменения договора при отпадении его цели в российском праве. На этом фоне не вполне понятно, зачем в работе целый раздел посвящен истории развития доктрин отпадения основания сделки в Германии и оспаривания сделки в связи с ошибкой в немецком праве, функционированию пар.313 Германского гражданского уложения, отграничению применения пар.313 ГГУ в отношении обнаруженной общей ошибки от оспаривания сделки в связи с ошибкой. Целая глава посвящена сопоставлению российского, английского и немецкого подходов к учету мотивов. Более того, два из восьми тезисов, выносимых на защиту, касается фиксации особенностей немецкого права. Анализ немецкого права, хотя и отражается в заявленных целях и задачах работы, но в названии работы не фигурирует. Иначе говоря, чисто формальная проблема кроется в не совсем точном названии диссертационного исследования. Корректнее было бы изменить название исследования, приведя его в соответствие с целями/задачами и содержанием.

Во-вторых, из описания английского и немецкого права не вполне понятно, имеет ли согласно этим правовым порядкам значение то обстоятельство, что субъективная цель вступления в договор (мотив), отпадение которой после заключения при определенных условиях дает право на расторжение/изменение договора, не была известна другой стороне. Если, например, заемщик брал кредит в целях приобретения конкретного авто, но данная цель не была раскрыта банку или указана в условиях договора, может ли заемщик требовать расторжения договора на фоне непредвиденного отпадения у заемщика потребности в приобретении автомобиля? И в работе вопрос о собственной оценке автором значения этого фактора не был четко артикулирован.

В-третьих, тесно связан с предыдущим и следующий вопрос. Затрагивая вопрос об оспаривании сделки в связи с ошибкой, автор упоминает новую редакцию абз.6 п.2 ст.178 ГК РФ, допускающую учет ошибки в мотивах, если другая сторона сделки знала о существенном значении предположения о соответствующем факте для другой стороны. Получается, в отношении учета мотивов при оспаривании сделки законодатель исключает оспаривание, если контрагент не знал о значимости соответствующего обстоятельства для истца. Согласно ли автор с этим и как этот аспект должен проявлять себя в контексте применения ст.451 ГК РФ, остается не вполне ясным.

В-четвертых, говоря об абз.6 п.2 ст.178 ГК РФ и возможности оспаривания сделки в связи с заблуждением в мотиве, автор почему-то не обращает достаточное внимание п.5 ст.178 ГК РФ, который говорит о возможности отказа в иске об оспаривании сделки в ситуации субъективной добросовестности контрагента и незнания о заблуждении истца. Получается, для оспаривания сделки в связи с заблуждением в мотивах закон требует не только реального или вмененного знания контрагента о значимости соответствующего обстоятельства для истца и его квалификации в качестве субъективного мотива вступления в договор, с одной стороны, но и знания о самом заблуждении (то есть субъективной недобросовестности). Если понимать указание в п.5 ст.178 ГК РФ на право суда отказать в иске при субъективной добросовестности контрагента как предписание, то оспаривание в связи с заблуждениями в мотиве оказывается скорее реакцией на обман умолчанием, злоупотребление в форме эксплуатации очевидной для ответчика ошибки истца. Если так, то обнаружение параллелей между ст.178 и ст.451 ГК РФ наталкивается на некоторое логическое предпрятие. Если автор начал прорабатывать проблему соотношения этих двух институтов и делает вывод об унификации решений в отношении изначальной ошибки в обстоятельствах, формирующих мотивы вступления в договор, и последующего отпадения цели вступления в договор, хотелось бы увидеть разбор этой проблематики.

В-пятых, в тезисах, выносимых на защиту (тезис №7), и в самой работе автор делает упор на том, что ключевой критерий, позволяющий отличить мотив вступления в договор, который не имеет правового значения, от мотива, который такое значение имеет каузальность, но куда меньшее внимание уделяет извинительности заблуждения истца как основания для оспаривания сделки по ст.178 ГК РФ (которая признается в качестве условия для оспаривания в ряде стран, включая - согласно небесспорной практике ВАС РФ - и Россию) и непредвидимости и независимости отпадения цели договора при применении ст.451 ГК РФ. Если делать акцент только на каузальности при применении ст.451 ГК РФ, огромное число долгосрочных договоров начнет расторгаться и изменяться

судами. Если арендатор взял в аренду помещение, но далее в связи с отзывом лицензии или изменения экономической конъюнктуры вынужден закрыть филиал в соответствующем регионе, потеряв интерес к договору, это согласно ст.451 ГК РФ, равно как и пар.313 ГГУ не дает право на расторжение или изменение, несмотря на то, что для арендатора отпала цель вступления договора. Иначе говоря, каузальность, конечно, представляет собой необходимое, но отнюдь не достаточное условие для применения ст.178 или ст.451 ГК РФ. Более того, очевидно, что именно анализ проблемы критического уровня непредвидимости изменения обстоятельств представляет собой основную научную проблему, так как слишком высокий стандарт прозорливости, вменяемый российскими и английскими судами тем, кто рассчитывает на прекращение договора, и является основной причиной крайне ограниченного применения ст.451 ГК РФ.

В-шестых, не соглашается с моей позицией в отношении диспозитивности правил п.2 ст.451 ГК РФ, закрепляющих условия для расторжения/изменения договора на основании данной статьи. Доводы, которые приводит автор (стр.128 и далее), не кажутся убедительными. Если п.1 ст.451 ГК РФ прямо допускает блокирование применения ст.451 ГК РФ, то абсолютно непонятно, каковы политико-правовые основания для блокирования свободы в ограничении возможностей применения данной статьи. Если позволено большее, то должно быть позволено и меньшее (правило толкования *a fortiori*). Например, стороны могут ужесточить условия для расторжения или изменения, указав, что основания для применения ст.451 ГК РФ могут касаться только изменения законодательства. Более того, нет причин блокировать свободу в смягчении условий для применения ст.451 ГК РФ. Например, какая конституционная ценность предопределяет запрет на согласование в договоре положения о том, что при расторжении или изменении договора на основании ст.451 ГК РФ фактор непреодолимости препятствия не имеет значения? Другой пример: одним из указанных в п.2 ст.451 ГК РФ условий для расторжения/изменения является то, что из обычаев или существа договора не следует, что риск изменения несет истец. Представим, что в силу обычая риск лежит на одной из сторон договора соответствующего типа: неужели стороны не могут согласовать обратное распределение риска? Ответ достаточно очевиден. Наконец, можно привести и такой аргумент: стороны могут в силу п.1 ст.451 ГК РФ просто заблокировать применение данной статьи, а далее «собрать с нуля» режим расторжения за счет включения в договор *hardship clause*, во всем идентичный правилам ст.451 ГК РФ за исключением одного из указанных в п.2 ст.451 ГК РФ условий.

Подводя итог, хочу заявить, что, несмотря на некоторые формальные недочеты, упущения и спорные вопросы, диссертация Петровой Дарьи Сергеевны на тему «Последствия отпадения цели договора в российском праве и английский институт *frustration of purpose*: сравнительный анализ» соответствует основным требованиям, установленным Приказом от 01.09.2016 № 6821/1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете», соискатель Дарья Сергеевна Петрова заслуживает присуждения ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.03. – Гражданское право, предпринимательское право, семейное право, международное частное право. Пункты 9 и 11 указанного Порядка диссертантом не нарушены.

Член диссертационного совета

Каранетов Артем Георгиевич,

д.ю.н., директор Юридического института «М-Логос»

24 октября 2021

Подпись удостоверена по месту работы

С.В. Паладий